

УДК 821.111: 1(091)
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-85-94

ВОСПРИЯТИЕ У. ШЕКСПИРОМ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕИ САМОУБИЙСТВА

Наталья Станиславовна Зелезинская
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Независимости, 4. zelennew@tut.by
SPIN-код: 2554-5988
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2018-1959>
ResearcherID: AAA-9591-2019
Статья поступила в редакцию 14.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зелезинская Н. С. Восприятие У. Шекспиром античной философской идеи самоубийства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 85–94. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-85-94

Please cite this article in English as:

Zelezinskaya N. S. Vospriyatie U. Shekspirom antichnoy filosofskoy idei samoubiystva [Shakespeare's Perception of the Classical Philosophical Idea of Suicide]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 85–94. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-85-94 (In Russ.)

Рассматривается античная идея добровольного ухода из жизни в ракурсе ее влияния на творчество У. Шекспира. Объектом являются как прямые источники, так и т. н. культурные источники, прочитанные Шекспиром или воспринятые им опосредованно, вопрос об объеме которых в шекспироведении до сих пор открыт. Поскольку количество упоминаний идеи самоубийства в античных текстах очень велико, автор статьи вырабатывает критерии отбора релевантных для анализа текстов, включая значимые и оригинальные с философской точки зрения источники. Идея самоубийства эксплицируется из «Утешения Философией» Бозция, «Энеиды» Вергилия, «О жизни...» Диогена Лаэртского, «О кончине Перегринна» Лукиана, «Федона» и «Законов» Платона, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Нравственных писем к Луцию» Сенеки, «Писем к Луцилию» Цицерона и др. Материал классифицируется с целью определения основных античных подходов к идее самоубийства, чтобы затем указать на их присутствие или отсутствие в произведениях У. Шекспира. Мотивный и компаративный анализы позволяют выявить как разновекторность античной мысли о самоубийстве, так и способность Шекспира разносторонне воплотить ее в своем творчестве. В его творчестве мы находим понимание самоубийства как пессимистического бегства от тягот жизни, как неправого вызова богам, как благородного ухода героя от необратимого хода колеса Фортуны, как урока терпения и т. д. Исследование доказывает определяющее влияние античных источников на частотный мотив самоубийства в творчестве У. Шекспира.

Ключевые слова: Уильям Шекспир; античность; мотив самоубийства; идея самоубийства; история идей; компаративный анализ; менталитет; прямые источники; культурные источники.

Следование античным образцам, как осознанное, так и бессознательное, – одна из неизменных составляющих Ренессанса. Многие древние идеи нашли свою вторую жизнь в эпоху Ренессанса, оказав влияние в меньшей степени на обыденную жизнь англичан, а в большей – на литературу и искусство английского Возрождения, в том числе в отношении воззрений на смерть (см.: [Аванесов 2000; Alvarez 1980]).

Биограф Уильяма Шекспира В. Ролф уделяет особое внимание детству будущего драматурга, указывая, в числе прочего, на устные предания, сказки, легенды, которые мог слушать Уильям долгими зимними вечерами в Стрэтфорде-на-Эйвоне. Были и истории об античных временах [Rolfe 1900: 75]. Возможно, среди них попадались легенды о Катоне из Уттики, доблестном Регуле и благочестивой Лукреции. Эти сюжеты

тогда были на слуху, как сегодня сюжеты самого Шекспира.

Античные истории попали и в круг первого чтения Шекспира: в Стрэтфордской грамматической школе греческий и латинский изучались по великим авторам [Bate 2018: 4–14; Baldwin 1977]. Однако важным представляется тот факт, что далеко не всегда Шекспир знакомился с первоисточниками. В первую очередь, следует иметь в виду, что многие произведения древнегреческих авторов были переведены на латинский или греческие сюжеты были заимствованы римлянами. Сведения по греческой мифологии (и значительному количеству мифологических самоубийств) содержатся в произведениях римских авторов I в. до н. э. – II в. н. э., а это Овидий, Вергилий, Гораций, Лукреций Кар, Тибулл, Проперций, Апулей, Стаций, Лукиан, Силий Италик и другие, установить же, от какого автора Шекспир узнал тот или иной миф, невозможно – все они были доступны.

Во-вторых, и те и другие в значительной степени были известны елизаветинцам в переложениях на английском языке и в большинстве случаев англичане добавляли свою интерпретацию излагаемого сюжета. Так, при переводе «Илиады» и «Одиссеи» Д. Чапмен принимает точку зрения на события Вергилия и Горация, а не Гомера. Таким образом, получается, что Шекспир был знаком с эллинистической традицией, в основном, по переводам-пересказам первичным – на латинский либо вторичным – с греческого на латинский либо французский, потом на английский. Так, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха перевел на английский сэр Т. Норт в 1579 г. с французского перевода 1559 г. Ж. Амио. «Метаморфозы» Овидия были прочитаны Шекспиром и на латинском, и в переводе А. Голдинга (хотя по этому вопросу всегда было много споров среди шекспироведов [Bate 2018; Miola 1983; Muir 1961; Nuttall 2004; Wilson 1948]). Если добавить к этому увиденные Шекспиром постановки на античные сюжеты, становится ясно, что трудно разграничить греческие и латинские влияния на его творчество. В рамках статьи мы будем говорить об их общем влиянии на формирование шекспировских воззрений на добровольный уход из жизни, поскольку уверены, что в сознании Шекспира древнегреческий и древнеримский дискурсы самоубийства не были разделены.

Для того чтобы провести сравнительный анализ античных сюжетов в поэзии и драматургии Шекспира, необходимо ограничить круг нашего рассмотрения теми текстами, которые:

а) вне всякого сомнения (по доказательному мнению шекспироведов) оказали влияние на творчество драматурга. Мы руководствовались

работами: [Bate 2018; Miola 1983; Muir 1961; Narrative and Dramatic Sources of all Shakespeare's works: 1967–75; Nuttall 2004; Wilson 1948];

б) содержат четко выраженные суждения о самоубийстве в нехудожественных текстах.

В отдельных случаях мы опираемся на суждения о смерти, поскольку отношение к смерти определяет отношение к самоубийству.

Античная философская мысль относилась к самоубийству неоднозначно. Можно выделить несколько мощных течений, каждое из которых оставалось актуальным продолжительное время.

Во-первых, представления о самоубийстве были тесно связаны с идеей свободы и права выбора – мировоззренческими понятиями для эллинов и римлян. Свобода от внешнего давления предполагала право самостоятельно принимать решения, распоряжаться собой, своей жизнью и своей смертью. Как отмечает А. Н. Моховиков, свобода для них была «творческой, самоубийство поэтому в известной мере являлось креативным актом» [Моховиков 2013: 11]. С другой стороны, как пишут Л. Трегубов и Ю. Вагин, «любое государство по своей сути всегда стремится так или иначе регламентировать быт своих граждан. Смерть и в этом смысле не является исключением. Так, в Древней Греции и в Древнем Риме государственная власть пыталась установить, в каких случаях правомерно и допустимо человеку лишать себя жизни» [Трегубов 1998: 19].

Так что в вопросе самоубийства уже очевидна потенциальная дилемма, спор между правом индивида на свободу и правом государства ограничивать свободу индивида законом. Естественно, право на жизнь и право на смерть видятся обеим сторонам как важнейшие и потому именно на них они стремятся простирать свое волю. Платон первым (насколько нам известно) установил прямой запрет на добровольную смерть в своих «Законах» и все же сопроводил его перечнем исключений (приговор государства, неотвратимое страдание, тягостный стыд), дав начало, таким образом, искусству умирания – *ars moriendi* [Платон 1998: IX 873 cd 363, 615].

Самый известный ученик Платона Аристотель был абсолютно последователен в своем осуждении самоубийства, однозначно ставя его вне закона [Аристотель 2004: 151–156]. Философ защищал **точку зрения о том, что жизнь человека принадлежит богам**. Порфирий и Плотин следовали за учителем и тоже развивали мысль о прерогативе богов распоряжаться своим созданием – человеком. Ее стойкость обнаруживается на протяжении всей эпохи вплоть до «последнего римлянина». В интерпретации С. Бозэция эта философия терпения весьма близка христианскому менталитету.

Бозэций два года провел в тюрьме в ожидании казни, но плодом его размышлений стало не самоубийство как освобождение от мытарств, а трактат «Утешение Философией», написанный в виде диалога. Пусть этот трактат затрагивает вопросы несправедливости жизни и пессимистичен по своей тональности, основной посыл автора – творить добро и жить, невзирая ни на что. Тот же вывод делали зрители якобинского театра, наблюдая разыгранный графом Глостером и его переодетым в нищего сыном Эдгаром диалог в середине трагедии «Король Лир».

Можно предположить, что Шекспир следует за Платоном, Аристотелем, Порфирием, Плотинном и Бозэцием, «отговаривая» своих героев от самоубийства (Гамлета, Горацио, графа Глостера). Однако выражение запрета на самостоятельное осуществление смерти у Шекспира всегда однозначно помещено в христианскую парадигму, связано с богоотступничеством, богобоязностью, страхом смерти как неопределенностью, страхом перед Божьим наказанием за грех, концепциями предопределения, религиозного отчаяния и христианского терпения. Мы считаем, что в сознании английского драматурга запрет на самоубийство оставался чисто христианской идеей, несмотря на то, что объективно христиане заимствовали его из античности, что видно по «переходной» философии Бозэция. Это неудивительно, во-первых, потому что с большей частью из этих античных авторов, как мы знаем сегодня, Шекспир знаком не был, т. е. воспринимал описанную идею не во всей полноте. Во-вторых, категоричный христианский запрет, подкрепленный страхом людского осуждения и уголовного наказания (попытки суицида в ренессансной Англии преследовались по закону), явно было весомее для еще теоцентричного менталитета.

Из античности Шекспир почерпнул скорее другое отношение к самоубийству – в рамках парадигмы свободы воли. Начало философии смерти как свободы, как ни странно, также положил Платон, точнее, другое его произведение – диалог «Федон». Идеи диалога «Федон» произвели огромное впечатление на современников и потомков и сыграли решающую роль в восприятии последними античной идеи самоубийства. Знание Шекспиром философского произведения Платона о Сократе «Федон» не подлежит сомнению ввиду наличия параллелей между текстами «Гамлета» и «Федона» Платона. На сюжетном уровне Платон повествует о смерти Сократа, которая ввиду высшей степени осознанности и высокой эстетичности значительно способствовала знаменитости философа и отражала его жизненную философию. За речи, возмущавшие общественный порядок и устоявшие-

ся взгляды граждан Афин, Сократу был вынесен смертный приговор. Он морально был готов к смерти, не согласился на подготовленный учениками побег, а побеседовал с ними и в достоинстве, сознательности и покое выпил приготовленный яд из цикуты.

Повествователь Федон с самого начала выделяет необычность этой славной смерти: «Хорошо. Так вот, сидя подле него, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал – он казался мне счастливецом, Эхекрат, я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо иной. Вот почему особой жалости я не ощущал – вопреки всем ожиданиям, – но вместе с тем философская беседа (а именно такого свойства шли у нас разговоры) не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби – при мысли, что он вот-вот должен умереть. И все, кто собрался в тюрьме, были почти в таком же расположении духа и то смеялись, то плакали, в особенности один из нас – Аполлодор. Ты, верно, знаешь этого человека и его нрав» [Платон 1970: 58e–59a]¹. Согласно рассказу Федона, благородство, предопределенность, эстетичность, посмертная слава – вот то, что выделяет идеальную античную смерть Сократа.

Непосредственно о самоубийстве речь идет во вступительной части диалога: «Так почему же все-таки, Сократ, считается, что убить самого себя непозволительно?» (61e) – вопрошает Кебет. То есть изначально логика текста исходит из запрета на самоубийство и аргументации этого запрета. Сократ сводит ее к тому, что «мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать... о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, – часть божественного достояния!» (62b). Соглашаясь с запретом, Сократ постоянно делает исключения: «Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них – о тех, кому лучше умереть, ты будешь озадачен, почему считается нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их благодетельствует кто-то другой» (62a). И далее Сократ переходит к собственному примеру: «Совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня – меня» (62b).

Ученики возражают против возможности самоубийства для кого бы то ни было (мета в Сократа, по их признанию): «С какой стати людям поистине мудрым бежать хозяев (богов), которые лучше и выше их самих?» (63а). На что Сократ хитро возражает, что надеется «предстать перед богами, самыми добрыми из владык» (63с) и, кроме того, «никаких оснований для недовольства у меня нет, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных» (63с). Это и есть переход к основной идее произведения – бессмертию души. То есть философ, **веря в бессмертие души, оправдывал самоубийство, поскольку после смерти умершего ждет радость, несказанно больше той, что видит он здесь.** Как отмечает А. А. Тахо-Годи, упомянутый Сократом в самом конце его жизненного пути петух означает выздоровление и освобождение от земных невзгод (по традиции, выздоравливающие петуха приносили в жертву богу Асклепию) [Тахо-Годи 1970: 505].

Мы видим, что Платон устами Сократа **осуждал необоснованный суицид, но оправдывал обоснованный.** Хотя этот критерий в рассматриваемый нами период явно старались привести к максимальной объективности, философ избегает конкретики (в противоположность «Законам»). Конечно, это сложная задача: каждому человеку, всерьез выбирающему между жизнью и смертью, его ситуация, несомненно, кажется тупиковой, а смерть оправданной и потому неизбежной.

Первая часть диалога раскрывает важнейшую задачу философа: **заниматься мыслями о смерти и умирании и не страшиться их.** Вопросу преодоления «страхов ума» [Диоген 1998: X 142] много внимания уделил Эпикур. В описании жизни и философии Эпикура Диогеном Лаэртским нет открытых призывов к самоубийству. В изложении Лукреция Кара отношение эпикурейства к самовольному уходу из жизни двояко. В начале поэмы он осуждает его, а несколько дальше удивляется, отчего же несчастные не прерывают своих несчастий самостоятельно [Лукреций III, 79–82, 933–943]. Эпикурейский по духу трактат «О природе вещей» был чрезвычайно популярен в елизаветинской Англии.

Важно то, что Эпикур исходил из посылки, будто смерть приходит в свой час одновременно и поэтому не существует для субъекта и, следовательно, не надо ее бояться. Кроме того, как мы помним, Эпикур отказывал душе в бессмертии, следовательно, ничто после смерти страшить человека не может, ибо там ничего нет. С его точки зрения, мытарства Бэция бессмысленны.

Эпикурейство же легко подвергается критике, и последующие философы, развивающие идеи Платона о необходимости преодоления страха смерти, шли по другому пути: они включали мысль о смерти в жизнь, делали ее имманентной самой жизни и тем принятой. Именно мысли о смерти помогают не бояться ее, но подчинить жизнь вечному, о чем – во всех *ars moriendi* Средневековья и Ренессанса.

В этом ключе позже развивали идею преодоления страха смерти многие философы, наиболее подробно М. Монтень в «Опытах» (глава «О том, что философствовать значит учиться умирать») и А. Камю в сочинении «Миф о Сизифе: эссе об абсурде». Оба философа показывают, что вопрос преодоления страха смерти непременно ведет к вопросу, «стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой» [Камю2000: 3].

Из-за понимания самоубийства как способа скорейшего достижения идеального состояния, из-за соблазнительных описаний свободы, что дарует смерть, и вдохновенного примера великого Сократа на бытовом уровне восприятия произведение Платона «Федон» в дальнейшем вдохновило многих самоубийц. «Клеомброт, по преданию, бросился в море, прочитав «Федона». Об этом 23-я эпиграмма Каллимаха: «Солнцу сказавши «прости», Клеомброт-амбракиец внезапно // Кинулся вниз со стены прямо в Аид. Он не знал // Горя такого, что смерти желать бы его заставляло: // Только Платона прочел он диалог о душе», – цитирует А. А. Тахо-Годи [Тахо-Годи 1970: 498]. Мысль о самоубийстве как воплощении права человека распоряжаться своей жизнью четко выражена в предсмертных словах шекспировского Антония: “Not Caesar’s valour hath o’erthrown Antony, / But Antony’s hath triumphed on itself” [Shakespeare 2017: V, 1, 15–16].

Совершенно иной дискурс самоубийства создал своей жизнью и смертью другой греческий философ – Эмпедокл, сведениям о котором мы обязаны Диогену Лаэртскому, Тертуллиану, сохранившимся отрывкам его собственных сочинений. Общим местом в философии Сократа (в видении Платона) и Эмпедокла является принятие самоубийства как неотъемлемого права человека, как пути от плохого к лучшему, однако Эмпедокл идет дальше, расширяя свое право в область онтологическую. Главным для Эмпедокла было **самообожение** (термин Т. В. Бузиной [Бузина 2014]) – он позиционировал себя богом уже при жизни. Для доказательства своего божественного статуса, желая, чтобы «впечатление о нем как о боге у современников осталось навсегда, Эмпедокл и бросился в огонь», – т. е. в кратер вулкана Этна [Диоген Лаэртский 1998: 320–327]. Мнения о причине взаимообусловлен-

ности самоубийства и «божественности» в связи со случаем Эмпедокла расходятся, но «ещё никому не пришло в голову оспаривать необходимость связи между ними – человекобог есть в конце концов самоубийца» [Аванесов 2000: 67].

В философии Эмпедокла необходимость самоуничтожения безусловно вытекала из его посягательств на божественность. Его идея о том, что самоубийством человек доказывает свою всесильность и безнаказанность, т. е. идея права высшего существа – бога, просуществовала в веках и нашла абсолютного апологета в лице Ницше, осознанно воссоздававшего образ Эмпедокла. В литературе самоубийство в целях самообожения реализовал Кириллов в «Бесах» Достоевского. Однако, в отличие от цельности античных философов, современный герой уже мечется в сомнениях, отягощенных христианской традицией 20 веков. Из шекспировских героев интересен в этом отношении Кориолан, о котором приближенные говорят, что он ведет себя как бог и вот-вот сравняется с богом. И, конечно, человекобогом мнит себя Макбет: “I dare do all that may become a man: / Who dares more is none” [Shakespeare 2017: Act 1, scene 7]. В ситуации краха он намеренно отказывается от античного понимания *virtus*, ставя себя в финале пьесы вне закона, и государственного, и человеческого. В его устах отказ от самоубийства в ситуации проигрыша означает отказ от системы традиционных нравственных ценностей, выработанной к яacobинскому периоду Шекспиром во всех трагедиях: герой, потерпевший крах, поражение, совершивший ошибку, должен умереть, желательно, от собственной руки (Брут, Кассий, Отелло, Ромео, Джульетта, Антоний, Клеопатра, Тимон). В качестве примера, противоположного нравственно павшему кавдорскому тану, вспомним благородного Отелло и его последние слова: “no way but this, / Killing myself” [Shakespeare 2017: V, 2, 359–360].

Прямо противоположного мнения придерживались сторонники пессимизма и фатализма, «получивших небывалое распространение в античную эпоху» [Колмаков 2012: 131]. **Пессимизм был выражен поэтами, драматургами и философами, многие из которых призывали не ждать окончания этих бед, поскольку они неизбежны, и уйти самостоятельно.**

До абсолюта довел эту мысль киренаик Гегесий, читая лекции о тщете земных страданий и призывая к **осуществлению собственной смерти собственными силами ради избавлений от мук** (сведения об Учителе смерти (*παισιθάνατος*) и его философской работе «Умерщвляющий себя голодом» можно почерпнуть из сочинения Диогена Лаэртского и «Тускуланских бесед» Цице-

рона [Диоген Лаэртский 1998: II, 86; Цицерон 2008: I, 83]). Проповеди Гегесия вели к т. н. школам искусства добровольной смерти, особенно распространившимся в позднюю античность. О способности самоубийства закончить тысячу жизненных мук – первая часть монолога Гамлета: “by a sleep to say we end / The heart-ache and the thousand natural shocks” [Shakespeare...2017: III, 1, 61–62]. Мысль принца все же устремляется в другое русло, а до логического финала пессимистическое мировоззрение доводит протагониста героя трагедии «Тимон Афинский», находившей, очевидно, своего зрителя в эпоху королевы Елизаветы, но сегодня мало интересной ввиду как раз, как нам кажется, малосимпатичных нашим современникам взглядов и характера протагониста. Популярнее оказался сонет 66: “Tired with all these for restful death I cry” [ibid.: 28].

Пессимизм и фатализм получили развитие в стоицизме, который внес весомую лепту в развитие идеи самоубийства. У Марка Аврелия (121–180 гг. н. э.) находим советы по *ars moriendi*: уйти обдуманно, в подходящий момент, без поспешности и пафосных жестов [Аврелий 2015].

Обращаясь к стоицизму, Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) в первой из «Тускуланских бесед» восхваляет самоубийства Гегесия и Клеомброта, радостное принятие смерти Ферарменом и Сократом, а также замечает, что своевременный уход из жизни есть для многих людей спасение от ужасных бедствий. В пример философ приводит Приама, который, умри он до падения Трои, прожил бы жизнь счастливым человеком в почете и богатстве среди родных и близких [Цицерон 2018: 9–13].

Высказывание «В жизни нужно следовать закону, который почитался на греческих пирах: пусть пьет либо уходит» тоже принадлежит Цицерону [Цицерон 2008: 782], и с ним согласился бы любой стоик. А вот фраза «Пусть душа погибает так же, как тело» из «Тускуланских бесед» скорее эпикурейская [Цицерон 2018: I, 82], как жизнь и смерть самого Цицерона в интерпретации Диогена Лаэртского [Диоген Лаэртский 1998: «Цицерон»]. Высказывания Цицерона показывают, что противоположные по сути философские течения смыкаются в отношении к идее самоубийства. В этом явлении мы усматриваем типично античные ментальные установки: «Античное представление о человеке было статуарно-замкнутым и массивно-целостным. Аристократический античный идеал свободы означал культ жеста, спокойствия, красоты. Греческое искусство не знает ни ярких образов телесного страдания, ни безоглядной духовной устремленности. Олимпийским богам чужды чувства страха, жалости, надежды, а для человека, считающе-

го высшим благом освобождение от страданий, даже самоубийство может быть добродетелью, приближающей его к богам» [Кон 1984: 44].

Стоические идеи представил в своих философских трудах и драмах Сенека. Нам бы хотелось обратить внимание на «Письма к Луцилию», в которых с наибольшей последовательностью и настойчивостью философ живописует смерть и самоубийство.

Сенека учит Луцилия, что получать удовольствие от жизни можно лишь в том случае, если ты хозяин своей жизни, готов с ней расстаться в любой момент и можешь думать о смерти без страха. «Думай об одном, готовься к одному: встретить смерть, а если подскажут обстоятельства, и приблизить ее. Ведь нет никакой разницы, она ли к нам придет, мы ли к ней. Внуши себе, что лжет общий голос невежд, утверждающих, будто “самое лучшее – умереть своей смертью”. Чужой смертью никто не умирает. И подумай еще вот о чем: никто не умирает не в свой срок. Своего времени ты не потеряешь: ведь то, что ты оставляешь после себя, то не твое» [Сенека 2001: 30]. Особенно важно для человека, чтобы и жизнь, и смерть были достойными. Сенека порицал самоубийства от глупости или страха, поскольку самое важное – «хорошо умереть», «а хорошо умереть – значит избежать опасности жить дурно» [там же: 31]. Главным он считал не пропустить тот момент, когда умереть лучше, чем жить: «не за всякую цену можно покупать жизнь», поэтому «лучшее из устроенного вечным законом – то, что он дал нам один путь в жизнь, но множество – прочь из жизни» [там же: 31–32]. Письмо четвертое гласит: «Каждый день размышляй об этом, чтобы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком – за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мучениями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют» [Сенека 2001: 28]. Очевидна параллель выделенных отрывков письма с сомнениями и метаниями Гамлета (по поводу того, что мешает расстаться с мучениями жизни). В его знаменитом монологе спорят две системы ценностей: стоическая добивается, чтобы «дух презрел жизнь» и не метался «между страхом смерти и мучениями жизни», христианская заставляет страшиться того, что будет после смерти, поскольку смерть не заканчивает ничего [Shakespeare 2018: III, 1, 76–78].

Хотя Плутарх не относил себя к стоикам и даже спорил с их доктринами, на его «Сравнительные жизнеописания» оказали влияние и платонизм, и стоицизм, что заметно в т. ч. в описаниях знаменитых самоубийств и размышлениях

о них. Так, Плутарх сравнивает смерть Цицерона и Демосфена и восхваляет (“we must admire”) последнего за предвидение гонений и мужество приберечь яд для такого случая и употребить его в нужный момент, а не прятаться и бежать смерти, как Цицерон [Plutarch 1579: “Demosthenes” 29–30, “Comparison of Demosphenos and Cicero” 5]. Именно Плутарху обязан Шекспир великолепными трагедиями «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра». Благодаря Плутарху и его замечаниям у английского драматурга историчны, тонко мотивированы и тщательно прорисованы самоубийства Клеопатры, Антония [Plutarch 1579: “Antony”], Порции [Plutarch 1579: “Brutus” 23, 53], Кассия [Plutarch 1579: “Brutus” 43–44], Титиния [Plutarch 1579: “Brutus” 43], Брута [Plutarch 1579: “Brutus”].

Возможно, аллюзиями на известных самоубийц Шекспир также обязан чтению Плутарха (например, аллюзиями на Катона – “But all such ill-report was blotted out and removed by the manner of his death” [Plutarch 1579: “Cato the Younger” 3, 4] или экфрасисом в поэме «Лукреция» [Plutarch 1579: “Brutus” 23]. Но все же эти имена были на слуху в елизаветинской Англии и упомянуть их можно было, опираясь на общие школьные знания.

Вырисовывающуюся парадигму античного самоубийства разделяли и другие историки (Геродот, Ливий, Тацит, Плиний и др.). У Геродота с пренебрежением описано самоубийство Пантита – единственного воина, участвовавшего в битве при Фермопилах и оставшегося в живых. По возвращении в Спарту его подвергли гонениям и презрению, и Пантит повесился [Геродот 1993: VII, 232]. Такое самоубийство – совершенное трусом и предателем от стыда и отчаяния, – воспроизводит Шекспир в мотиве смерти Энобарба, утопившегося в сточной канаве [Shakespeare 2017: IV, 9, 15–26]. У Лукана самоубийство благородного героя в ситуации поражения воспето в «Фарсалии», где описаны гражданская война и побежденные, своими самоубийствами лишаящие врага возможности насладиться их смертью [Лукан 1993]. У Тита Ливия из «Истории от основания Рима» У. Шекспир заимствует повествование о Лукреции [Livius 1914: I, 57–59].

Из выделенных нами философских произведений, охватывающих своим влиянием века, вырисовывается цивилизация, где за человеком признавалось право уйти в мир иной, когда ему заблагорассудится. Немало философов поддерживали максимум «Пусть умирает тот, кто жить не хочет».

Хотелось бы подчеркнуть, что распространенные практики самоубийств у древних греков и римлян далеко не всегда были связаны с

пессимистическим мировоззрением, но часто, наоборот, увязывались с честолюбивыми стремлениями уподобиться богам, достичь славы, сохранить достоинство и честное имя, преодолеть страх смерти, а оттого нет никакого противоречия между жизнерадостностью мировоззрения эллинов и их апологией добровольного ухода из жизни.

Здесь нужно также отметить, что, изучая отношение древнего мира к идее самоубийства по философским трактатам, биографиям, историческим трудам, мы мало что узнаем о положении вещей в реальности. Никакой статистики не велось, а в биографии попадали примеры философов, но не обычных людей. Так о практиках, подобных обычаю пожилых о. Кеса (Кеоса / Кеи) в 60 лет выпивать яд, упоминается вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся [Диоген 1998: I, 2, 55, 60–61]. Поэтому напомним, что наблюдения наши строятся на истории идеи и объектом нашего изучения является текстуально закрепленное восприятие идеи самоубийства античным миром, а затем рецепция этой идеи елизаветинским менталитетом.

Из рассмотренных нами философских и исторических трудов можно сделать вывод, что Древняя Греция и особенно Древний Рим представляли ту модель цивилизации, где за человеком признавалось право распоряжаться своей жизнью, а значит, и выбирать час своей смерти. Полагаем, что такое же впечатление создалось у Шекспира по ознакомлению с античными источниками. Анализ творчества Шекспира показывает следующее.

1. Античная идея добровольного ухода из жизни была воспринята Шекспиром однобоко, не во всей полноте. Причин тому две. Во-первых, неполный охват античной философской литературы по этому вопросу. Так, с трудами Аристотеля – главного античного противника самоубийства – Шекспир знаком не был. Вторая причина связана с восприятием античных идей в елизаветинской (чаще всего, но также европейской) интерпретации. Вторичность источника вкуче с переводческими стратегиями XVI в. исказила оригиналы.

2. Античность у Шекспира ассоциировалась с самоубийствами. Во всех античных сюжетах мотив самоубийства становится ведущим моральным мотивом и одним из ведущих мотивов произведения. Возвращение к античной парадигме прослеживается в теме мести, морали стоицизма, спасении чести семьи как основной причины самоубийства. Ассоциации, сближающие понятия античного Рима и самоубийства, связаны, в свою очередь, с античным поведенческим кодом, пониманием *virtus*, с возвышенной концепцией

благородства, смелости, свободы и добродетели, со стоиками и Катонам. Своим самоубийством эти герои защищают *virtus*, доказывают принадлежность Риму как социуму, встроены в систему римских ценностей, верность стоицизму. Исключительно в античной парадигме изображено самоубийство благородной Порции. В «Кориолане» и протагонист, и его мать Волумния рассматривают возможность самоубийства, исходя из античных представлений о жизни и смерти в определенных жизненных обстоятельствах, но в финале героя, проявившего милосердие, ждут убийцы. Кстати, Волумния упоминает такой способ смерти как *inedia*, – практикуемый в античности, но совершенно забытый в эпоху Ренессанса. Добровольно покидает этот мир Тимон Афинский. Все вышеупомянутые герои вписываются в федоновскую парадигму: для каждого из них наступает тот исключительный случай, когда они не только имеют право, но и должны избрать самоубийство. Более того, воля богов трактуется ими как призыв уйти немедленно и достойно. Самоубийство оказывается логичным и единственно верным ответом на жизненную ситуацию.

3. Добровольный уход из жизни воспринимался как античный образец поведения в неразрешимых ситуациях. Доказательством того, что античность и суицид были неразрывно связаны друг с другом в сознании Шекспира, является тот факт, что даже если герой (не античных сюжетов) задумывается о самоубийстве, ему невольно приходят на ум римляне, например: “Why should I play the roman fool, and die / On mine own sword?” [Shakespeare 2017: V, 7].

4. Античные герои в момент самоубийства и их добровольная смерть (Лукреции, Брута, Антония и др.) наделяются теми же эпитетами, что и смерть Сократа в «Федоне»: бесстрашный, благородный, честный, великий (*noble, great, brave, honour*), наибольшая концентрация этих эпитетов достигается в момент самоубийства и непосредственно после него. Таким образом, самоубийство, совершенное в рамках античной эстетики, приветствовалось и даже вызывало восхищение у елизаветинцев (забегая вперед, заметим, что к себе они этот образец не относили, восхищаясь «издалека»).

5. Парадигма шекспировского самоубийства (типологическая зависимость причины, способа, эстетики и аксиологии смерти) заимствована из античных воззрений: как и в античных источниках, добровольная смерть во имя спасения чести осуществляется холодным оружием, трусливый уход от страданий метафорически выражен прыжком с обрыва, предатель же должен удавить себя петлей.

6. Есть у Шекспира герои, которые не следуют безоглядно римскому образцу не потому, что им отказано в благородстве, но потому, что они не римляне и не греки, а герои нового времени, значит, их сознание определено христианскими и ренессансными (без противопоставления определенных друг другу, но как понятия разного объема) ценностями. Эти персонажи много размышляют над самоубийством. В их доводах против самоубийства превалирует, во-первых, боязнь нарушить божий запрет распоряжаться собственной жизнью (по сути, это церковный запрет, установленный лишь в 452 г. н. э. Арльским собором), во-вторых, страх смерти и того, что случится с душой после смерти (ввиду вошедшей в силу концепции предопределения) [Shakespeare's world 1989: 44–47]. И заметим, что эпикурейская идея о том, что нет смысла терпеть страдания, которые иным способом ты преодолеть не можешь, у Шекспира отрицается по причине ее явного противодействия христианскому учению.

Примечание

¹ Далее ссылки на это издание при цитировании даются в круглых скобках с соответствующим указанием.

Список литературы

- Аванесов С. С. Введение в философскую суицидологию. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 124 с.
- Аврелий М. Наедине с собой. Размышления. М.: Азбука-Классика, 2015. 192 с.
- Аристотель. Этика. М.: АСТ, 2004. 491 [2] с.
- Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Бузина Т. В. Жажда самообожения – сквозной сюжет Уильяма Шекспира. Самообожение в европейской культуре. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 125–231.
- Геродот. История. М.: Ладомир, 1993. 599 с.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1998. 572 с.
- Камю А. Миф о Сизифе: Эссе об абсурде. Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Минск: Попурри, 2000. С. 13–142.
- Колмаков В. Б. Античный пессимизм // Вестник Воронежского университета. 2012. № 2. С. 131–143.
- Кон И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
- Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки слав. культуры, 2015. 488 с.
- Лосев А. Ф. Вводные замечания. Платон // Сочинения: в 3 т. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1970. Т. 2. С. 5–9.
- Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.: Ладомир, 1993. 349 с.
- Лукиан. О кончине Перегриня // Соч.: в 2 т. СПб., Алетейя, 2001. Т. 2. С. 294–305.
- Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Мир книги, 2010. 336 с.
- Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. СПб.: «Алетейя», 1996. Т. 1. 394 с.
- Платон. Государство. Законы. М.: Мысль, 1998. 798 с.
- Платон. Федон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 13–94.
- Ранович А. Б. Лукиан. Античные критики христианства. М.: ОГИЗ Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. С. 1–22.
- Сенека Л. А. Письмо 69 // Нравственные письма к Луцилию. Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М.: Когито-Центр, 2001. С. 28–46.
- Тахо-Годи А. А. Комментарии. Платон. Федон // Соч.: в 3 т. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1970. Т. 2. С. 481–505.
- Трегубов Л., Вагин Ю. Эстетика самоубийства. Пермь: Капик, 1993. 268 с.
- Хоф А. ван. Женские самоубийства в античном мире: между вымыслами и фактами // Вестник древней истории. 1991. № 2. С. 18–43.
- Цицерон М. Т. Письма Марка Туллия к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. СПб.: Наука, 2008. 782 с.
- Цицерон М. Т. О презрении к смерти. Цицерон. Тускуланские беседы. М.: РИПОЛ классик 2018. Кн. I. С. 7–102.
- Allen D. C. Some observations on The Rape of Lucrece // Shakespeare Survey. 1962. № 15. P. 89–98.
- Alvarez A. Suicide: the philosophical issues. N. Y.: St. Martin's Press, 1980. 292 p.
- Bate J. Shakespeare and Ovid. Oxford: Clarendon Press, 2018. 292 p.
- Baldwin T. W. William Shakespere's Small Latine & Lesse Greeke. Urbana: University of Illinois Press, 1944. 774 p.
- Calderwood J. L. Shakespeare and the Denial of Death. Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1987. 233 p.
- Livius T. Ab urbe condita / ed. by R. S. Conway, Ch. F. Walters. Oxford: Oxford UP, 1914. Book I. Ch. 57–59.
- McAlington T. English Renaissance Tragedy. Hong Kong: The MacMillan Press Ltd., 1988. 269 p.
- Miola R. S. Shakespeare's Rome. Cambridge UP, 1983. 244 p.
- Muir K. The Sources of Shakespeare Plays. London: Methuen, 1961. 281 p.

Narrative and Dramatic Sources of all Shakespeare's works / ed. by G. Bullough. London: Routledge and Kegan Paul, 1967–75. 8 Vols.

Novotny F. *The Posthumous Life of Plato*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977. 676 p.

Nuttall A.D. *Action at a Distance: Shakespeare and the Greeks*. Cambridge UP, 2004. 269 p.

Plutarch / Thomas North [translator], James Amyot [translator]. *The Lives of the noble Grecians and Romanes, compared together by ... Plutarke of Chæronea*. London, 1579. URL: <https://www.bl.uk/collection-items/norths-translation-of-plutarchs-lives> (дата обращения: 30.09.2019).

Rolfe W. *Shakespeare the boy*. London: Chatto and Windus, 1900. 335 p.

Shakespeare W. *The Arden Shakespeare Complete Works*. L.; Oxford; N. Y.; New Delhi, Sydney: Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. 1392 p.

Shakespeare's world: Background reading in the English Renaissance. N. Y.: Continuum, A Frederic Ungar book, 1989. 288 p.

Wilson F. P. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford: Clarendon Press, 1948. 143 p.

References

Avanesov S. S. *Vvedenie v filosofskuyu suitsidologiyu* [Introduction into philosophical suicidology]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2000. 124 p. (In Russ.)

Aurelius M. *Naedine s soboy* [Meditations]. Moscow, Azbuka-Klassika Publ, 2015. 192 p. (In Russ.)

Aristotle. *Etika* [Ethics]. Moscow, AST Publ., 2004. 491 [2] p. (In Russ.)

Aries Ph. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in front of death]. Moscow, Progress Publ., 1992. 528 p. (In Russ.)

Buzina T. V. *Zhazhda samoobozheniya – skvoznoy syuzhet Shekspira. Samoobozhenie v evropeyskoy kulture* [Thirst for self-deifying as a Shakespeare's cross-cutting plot. Self-deifying in European culture]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011, pp. 125–231. (In Russ.)

Herodotus. *Istoriya* [History]. Moscow, Ladomir Publ., 1993. 599 p. (In Russ.)

Diogenes Laërtius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [Lives and opinions of eminent philosophers]. Transl. from Ancient Greek by M. L. Gasparov. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 572 p. (In Russ.)

Camus A. *Mif o Sizife: Esse ob absurde*. Mif o Sizife. Buntuyushchiy chelovek [The myth of Sisyphus: Essay on absurd. The myth of Sisyphus. The rebel]. Minsk, Popurri Publ., 2000, pp. 13–142. (In Russ.)

Kolmakov V. B. *Antichnyy pessimizm* [The Antiquity Pessimism]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2012, issue 2, pp. 131–143. (In Russ.)

Kon I. S. *V poiskakh sebya. Lichnost' y ee samopoznanie* [In search for yourself. Personality and self-understanding]. Moscow, 1984. 335 p. (In Russ.)

Krasil'nikov R. L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoy literature* [Thanatological motifs in contemporary literature]. Moscow, LRC Publishers, 2015. 488 p. (In Russ.)

Losev A. F. *Vvodnye zamechaniya. Platon. Sochineniya: v 3 t.* [Introductory remarks. Plato. Works in 3 vols.]. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1970, Vol. 2. pp. 5–9. (In Russ.)

Lucanus. *Farsaliya ili poema o grazhdanskoy voyne* [Pharsalia or poem On the Civil War]. Moscow, Ladomir Publ., 1993. 349 p. (In Russ.)

Lucian. *O konchine Peregrina*. Soch. v 2 t. [The death of Peregrinus. Works in 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 2, pp. 294–305. (In Russ.)

Lucretius Carus. *O prirode veshchey* [On the nature of things]. Moscow, Mir knigi Publ., 2010. 336 p. (In Russ.)

Pausanias. *Opisanie Ellady: v 2 t.* [The Description of Hellas. In 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1996, vol. 1. 394 p. (In Russ.)

Plato. *Gosudarstvo. Zakony*. [State. Laws]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 798 p. (In Russ.)

Plato. *Fedon*. Soch.: v 3 t. [Fedon. Works in 3 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1970, vol. 2, pp. 13–94. (In Russ.)

Ranovich A.B. *Lukian. Antichnye kritiki khristianstva* [Lucian. Antique critics of Christianity]. Moscow, State Anti-Religious Publishing, 1935, pp. 1–22. (In Russ.)

Seneka L. A. *Pis'mo 69. Nравstvennyye pis'ma k Lutsiliyu. Suitsidologiya: proshloe i nastoyashchee. Problema samoubiystva v trudakh filisofov, sotsiologov, psikhoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstah* [Letter 69. Moral letters to Lucilius. Suicidology: The past and the present. The problem of suicide in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2001, pp. 28–46. (In Russ.)

Takho-Gordi A.A. *Kommentariy. Platon. Fedon*. Soch.: v 3 t. [Commentary. Plato. Phaedo. Works: In 3 vols.]. Moscow, Izd-vo Sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ, 1970, vol. 2, pp. 481–505. (In Russ.)

Tregubov L., Vagin Yu. *Estetika samoubiystva* [The aesthetics of suicide]. Perm, Kapik Publ., 1993. 268 p. (In Russ.)

Hof A vann. *Zhenskie samoubiystva v antichnom mire: mezhdum vymyslami i faktami* [Feminine suicides in the antique world: between fiction and facts]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1991, issue 2, pp. 18–43. (In Russ.)

Cicero M. T. *Pisma Tulliyya k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu* [Letters of Mark Tullius to Attica, relatives, brother Quintus, M. Brutus]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2008. 782 p. (In Russ.)

Cicero M. T. *O prezrenii k smerti. Tsitseron. Tuskulanski besedy* [On contempt for death. Cicero. Tusculan disputations]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2018, book 1, pp. 7–102. (In Russ.)

Allen D. C. Some observations on The Rape of Lucrece. *Shakespeare Survey*, 1962, issue 15, pp. 89–98. (In Eng.)

Alvarez A. *Suicide: the philosophical issues*. N. Y., St. Martin's Press, 1980. 292 p. (In Eng.)

Bate J. *Shakespeare and Ovid*. Oxford, Clarendon Press, 2018. 292 p. (In Eng.)

Baldwin T. W. *William Shakespere's Small Latine & Lesse Greeke*. Urbana, University of Illinois Press, 1944. 767 p. (In Eng.)

Calderwood J. L. *Shakespeare and the Denial of Death*. Amherst, Univ. of Massachusetts Press, 1987. 233 p. (In Eng.)

Livius T. *Ab urbe condita*. Ed. by R. S. Conway, Ch. F. Walters. Oxford, Oxford UP, 1914, book 1, ch. 57–59. (In Eng.)

McAlington T. *English Renaissance Tragedy*. Hong Kong, The MacMillan Press Ltd., 1988. 269 p. (In Eng.)

Miola R. S. *Shakespeare's Rome*. Cambridge, Cambridge UP, 1983. 244 p. (In Eng.)

Muir K. *The Sources of Shakespeare Plays*. London, Methuen, 1961. 281 p. (In Eng.)

Narrative and Dramatic Sources of all Shakespeare's works. Ed. by G. Bullough. London, Routledge and Kegan Paul, 1967–75, 8 vols. (In Eng.)

Novotny F. *The Posthumorous Life of Plato*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1977. 767 p. (In Eng.)

Nuttall A. D. Action at a distance: Shakespeare and the Greeks. *Shakespeare and the Classics*. Ed. by Ch. Martindale, A. B. Taylor. Cambridge, Cambridge UP, 2004. 269 p. (In Eng.)

Plutarch, Thomas North [translator], James Amyot [translator]. *The Lives of the noble Grecians and Romanes, compared together by ... Plutarke of Chaeronea*. London, 1579. Available at: <https://www.bl.uk/collection-items/norths-translation-of-plutarchs-lives> (accessed 30.09.2019). (In Eng.)

Rolfe W. *Shakespeare the boy*. London, Chatto and Windus, 1900. 335 p. (In Eng.)

Shakespeare W. *The Arden Shakespeare Complete Works*. L., Oxford, N. Y, New Delhi, Sydney, Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. 1392 p. (In Eng.)

Shakespeare's world: Background reading in the English Renaissance. Ed. with com. and notes by G. M. Pinciss, R. Lockyer. N. Y., Continuum, A Frederic Ungar book, 1989. 288 p. (In Eng.)

Wilson F. P. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford, Clarendon Press, 1948. 143 p. (In Eng.)

SHAKESPEARE'S PERCEPTION OF THE CLASSICAL PHILOSOPHICAL IDEA OF SUICIDE

Natalya S. Zelezinskaya

Senior Lecturer in the Department of Theory and Practice of Translation
Belarusian State University

4, Nezavisimosti prospekt, Minsk, 220030, Republic of Belarus. zelennew@tut.by

SPIN-code: 2554-5988

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

Submitted 14.10.2019

The article discusses the ancient idea of voluntary departure from life from the perspective of its influence on Shakespeare's works. The author of the article singles out the texts that influenced the views of the English playwright on suicide due to both the general enthusiasm of the Elizabethans for antiquity and Shakespeare's habit of taking ready-made plots from favourite books, including ancient works, and also his passion for introducing mythological and historical allusions into dramaturgy and poetry. The author dwells on the issue of direct sources relying on the authoritative opinion of such Shakespeare scholars as J. Beit, W. Baldwin, J. Bullough, R. S. Miola, C. Muir, W. Rolf and others, and notes the significance of the so-called cultural sources which could be read or perceived indirectly. In Shakespeare studies, the question of the extent of cultural influence on the works of the English playwright is viewed as open and relevant. The article refers to the ideas and examples of suicide expressed in *The Consolation of Philosophy* by Boethius, *Letters to Lucius* by Cicero, *On Life...* by Diogenes of Laertius, *On the Death of Peregrine* by Lucian, *Phaedo* and *The Laws* by Plato, *Comparative Biographies* by Plutarch, *Moral Letters to Lucilius* by Seneca. The material is classified to single out main approaches to the idea of suicide revealing the diversity of philosophical thoughts about voluntary departure from life in antiquity, the complexity of the suicide discourse in Ancient Greece and Ancient Rome, which was borrowed by Shakespeare in great extent. Shakespeare's works demonstrate suicide as a pessimistic escape from the hardships of life, an improper challenge to the gods, a hero's noble departure from the irreversible wheel of Fortune, despair of a coward, choice of a wise man, etc.

Key words: William Shakespeare; antiquity; motif of suicide; idea of suicide; history of ideas; comparative analysis; mentality; direct sources; cultural sources.